

Изъ лекцій Г. С. Петрова.

III.

Идейная пустота современныхъ литературныхъ течений.

Русская литература послѣднихъ 10 — 20 лѣтъ полна тревожныхъ симптомовъ. Поразительно быстро смѣняются одно другимъ разнообразныя литературныя теченія—декадентство, импрессионизмъ, символизмъ, богоскательство, мистическій анархизмъ и пр. Не менѣе быстро возносятся на пьедесталы и неожиданно низвергаются оттуда литературныя кумиры, при чемъ эта горькая доля не миновала даже такихъ крупныхъ талантовъ, какъ Максимъ Горькій, Леонидъ Андреевъ, Федоръ Сологубъ и Арцыбашевъ.

Самымъ же печальнымъ явленіемъ надо считать упадокъ обаянія русской литературы. Еще такъ недавно она была крупнымъ факторомъ нашей жизни. Предъ ней преклонялись, ее любили и уважали, на произведеніяхъ корифеевъ родного слова воспитывались цѣлыя поколѣнія. Гдѣ этотъ быллой престижъ, куда дѣвалось величіе русской литературы? Ихъ нѣтъ теперь.

Пробуютъ найти причину этого явленія. То говорятъ, что писатель потерялъ способность отвѣчать на духовные запросы читателя, то обвиняютъ читателя въ томъ, что онъ сталъ подходить къ писателю съ слишкомъ несуразными требованіями. Одни считаютъ виноватыми и читателя и писателя, иные склонны думать, что въ этомъ печальномъ явленіи не виноваты ни тотъ, ни другой.

Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, надо найти отправную точку зрѣнія. Если способность къ художественному творчеству есть случайный даръ природы, тогда на писателѣ не можетъ лежать никакой отвѣтственности, талантъ превращается въ личное дѣло человѣка. Но это не такъ. Художникъ творитъ свои произведенія, но въ свою очередь и самъ является твореніемъ другого великаго художника—данной среды, окружающаго народа. Это настолько вѣрно, генетическая связь писателя съ породившимъ его обществомъ настолько тѣсна, что искусство вообще и литература въ частности являются самымъ точнымъ показателемъ духовныхъ силъ извѣстнаго народа. Ни блестящія побѣды, ни

сказочныя изобрѣтенія, ни колоссальное развитіе промышленности, ни быстрые успѣхи общественнаго строительства и ничто въ этомъ родѣ не можетъ служить мѣриломъ духовной культуры народа, потому что все это въ большей или меньшей степени можетъ оказаться дѣломъ случая, удачи. А можетъ ли быть случайнымъ великое искусство? Только великій народъ можетъ создать великое искусство. Расцвѣтъ искусства обозначаетъ духовную мощь народа, а упадокъ свидѣтельствуетъ о его духовномъ и нравственномъ истощеніи, о его внутренней немощи.

Не только степень развитія, но и характеръ искусства стоитъ въ тѣсной связи съ духовными особенностями народа и его судьбами. Для неопытнаго человѣка, голландское искусство можетъ, напр., показаться непонятнымъ, но когда онъ познакомится съ исторіей голландскаго народа и его духовнымъ обликомъ, тогда пойметъ, что голландцы и не могли создать иного искусства. Точно также и картины И. Е. Рѣпина, лучшаго изъ оставшихся въ живыхъ нашихъ художниковъ—Запорожцы, Смерть Грознаго, Христосъ въ пустынѣ, Крестный ходъ въ деревнѣ, Царевна Софья, Бурлаки. Все это какъ будто одна и та же картина, писанная въ разное время и подъ разными названіями: все это—художественная иллюстрація того, чѣмъ могъ бы быть русскій народъ и чѣмъ онъ сталъ въ дѣйствительности, всѣ эти картины—сплошной унылый стонъ, ужасъ былой русской дѣйствительности. Во всемъ русскомъ искусствѣ стонетъ сама душа русскаго народа, русской жизни. Высочайшая человѣчность нашей литературы тѣмъ и объясняется, что въ самой-то нашей дѣйствительности, хотя бы и прошлой, не было человѣчности.

При такомъ взаимоотношеніи писателя и общества художественное дарованіе уже является средствомъ общественнаго служенія, а писатель—общественнымъ дѣятелемъ высшаго разряда. Такъ и смотрѣли на себя Пушкинъ и Лермонтовъ, и не даромъ каждый изъ нихъ создалъ своего „Пророка“. Такими же пророками русской жизни считаютъ Достоевскаго и Вл. Соловьева. Точно также и всѣ лучшіе русскіе писатели, съ Гоголемъ во главѣ, смотрѣли на свое служеніе, какъ на пророческое, и ставили своей задачей углубленіе связи писателя съ окружающей средой. Они отрицали „чистое искусство“, потому что ни искусство, ни наука, ни философія, ни религія не имѣютъ цѣли въ самихъ себѣ, помимо связи съ жизнью и человѣкомъ.

Такъ было. И вдругъ лѣтъ 20-тъ тому на-

задъ въ эту чистую область влился потокъ холоднаго и гнусаго равнодушія писателя къ жизни и человѣку—декадентство. Одинъ изъ его представителей, Валерій Брюсовъ, хотеть служить „и Богу, и чорту“. Декаденты прямо объявили свою отчужденность отъ жизни. Что дѣлается у васъ на землѣ,—сказали они,—это неинтересно и случайно, а мы служимъ вѣчной красотѣ. Безыдейность и даже отсутствіе простой осмысленности въ своей поэзіи декаденты пытались даже обосновать и кощунственно ссылались на Пушкина: онъ-де говорилъ, будто станеть любезенъ народу тѣмъ, что обрѣлъ новыя звуки для пѣсенъ. Вотъ и мы, радуемся декаденты, будемъ создавать красоту формы,—забывая, что въ зрѣлую пору своей жизни Пушкинъ измѣнилъ эту фразу и уже мечталъ воздвигнуть себѣ нерукотворенный памятникъ тѣмъ, что своей лирой чувства добрыя пробуждалъ въ народѣ. Декаденты кастрировали поэзію, вырѣзали изъ нея мысль и общественное чувство. Поэзія—языкъ богствъ, и ея рѣчи должны быть божескими, а декаденты вмѣсто этого внесли въ культурную сокровищницу—только пустое мѣсто.

Декадентство лопнуло, какъ мыльный пузырь. Декаденты были равнодушны къ жизни, но все же хотѣли обратить на себя вниманіе, а такъ какъ у нихъ не было никакихъ духовныхъ цѣнностей, то они просто начали кривляться. Нелѣпостей наговорили и надѣлали русскіе декаденты такъ много, что даже духовные отцы ихъ, Мережковскій и Брюсовъ, ствернулись отъ нихъ и вмѣстѣ съ русской критикой начали стегать ихъ въ три кнута.

Полоса декадентства—не только литературное теченіе, не только кривлянье литературныхъ шалопаевъ. Это не случайное явленіе, а злокачественная сыпь на общественномъ организмѣ, свидѣтельствующая о серьезной болѣзни. Декадентство—старая-престарая болѣзнь. Величайшимъ декадентомъ былъ Неронъ, такъ внѣшне красиво и сказочно прожившій свою жизнь. Декадентомъ былъ весь Римъ время упадка, и онъ погибъ отъ этой болѣзни, отъ этой внутренней гнили, отъ этой безсодержательности. Не отъ дуракъ, а отъ декадентства погибла и Византія. Декадентство—общественное явленіе, это симптомъ общественнаго умиранія. У насъ, къ счастью, декадентство было только отдѣльнымъ теченіемъ, а не представляло собой всей литературы.

Декадентство ушло, но люди съ вымолоченными душами остались. Они ударились въ

богостроительство, богоскательство, боготворчество и пр., но и на этотъ разъ оставили въ наслѣдство жизни только пустошное мѣсто. Въ 1904—1905 г.г. столпы богоскательства позорно бѣжали изъ Россіи, оправдывая свое бѣгство пустыми красивыми фразами. Исторія потребовала не боготворчества, а жизнетворчества, а къ нему они оказались неспособными, потому что ихъ душа была пустой чашей. Боготворчество смѣнилось мифотворчествомъ, а тамъ, шагъ за шагомъ, докатились мы и до смѣхотворчества. Герои текущаго момента—Аверченко et tutti quanti. Ни сарказма, ни сатиры, ни смѣха сквозь слезы у нихъ нѣтъ, а только пустое, безпринципное ржанье, грубый, животный смѣхъ въ интересахъ пиццваренія. Насъ чешутъ подъ мышками, а вѣдь надо самую жизнь сдѣлать радостной, смѣющейся!..

Въ этомъ печальномъ явленіи виноваты не Аверченки, а всѣ мы. Вы хотите вмѣсто серьезнаго художника музыкальнаго клоуна?—Извольте. Общество предпочитаетъ шутовъ пророкамъ?—Пожалуйте. И одно утѣшеніе остается человѣку, сохранившему искру Божію,—что смѣхотворчество—еще не вся наша литература.

Равнодушіе общества къ декадентамъ было расплатой за ихъ равнодушіе къ общественнымъ идеаламъ. Но какъ объяснить упадокъ интереса къ Максиму Горькому? Вѣдь, это онъ создалъ понятіе „гущи жизни“, вѣдь, онъ звалъ вмѣшаться въ эту гущу и самъ вмѣшивался въ нее. А „гуща“ ушла отъ него... Почему? Раздавались голоса, что талантъ Горькаго выдыхается, ослабѣваетъ и умираетъ. Это неправда. Если Горькій въ послѣднее время даритъ русскую литературу лишь незначительными произведеніями, то причина этому чисто внѣшняя. Въ русской жизни произошелъ громадный сдвигъ, она пошла по новому пути, все въ ней измѣнилось. Тысячѣ Толстыхъ не охватить теперешней русской дѣйствительности. Ее надо пристально изучать. А какъ можетъ сдѣлать это Горькій на своемъ далекомъ Капри? Онъ, вѣдь, и творить-то можетъ лишь постольку, поскольку вмѣшивается гъ гущу жизни, пускаетъ въ нее корни.

Упадокъ интереса къ Горькому объясняется иначе. Въ „На днѣ“ Лука зажигаетъ въ спившемся алтерѣ лучъ надежды словами о томъ, что для алкоголиковъ существуютъ лечебныя заведенія, но не можетъ сказать, въ какомъ городѣ они находятся. Такъ и Горькій. Нашъ читатель привыкъ, чтобы за него все думалъ и дѣлалъ писатель, и когда

Горькій наговорилъ ему, что мы великій народъ, что нѣтъ причины хныкать, а надо дѣлать свою жизнь большой, красивой и радостной,—читатель спросилъ: „а какъ?“

Горькій не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, и читатель отвернулся отъ него. А тутъ какъ разъ появился Леонидъ Андреевъ съ своими мировыми вопросами. Бросились къ нему, но и онъ, несмотря на свой громадный талантъ, равнаго которому теперь нѣтъ во всей Европѣ, вмѣсто отвѣта показалъ только выкрутасы. Публика сначала недоумѣвала, а потомъ отвернулась и отъ Андреева. Все его несчастье—въ невѣжествѣ, въ незнаніи жизни. Нѣсколько знакомыхъ ему миниатюрныхъ уголковъ ея онъ описалъ въ чудесныхъ разсказахъ („Жили-были“ и др.), а дальше пошли Иуда, Елеазаръ, Пиратъ, легендарный герцогъ и пр.—и выкрутасы. Нельзя винить за это Андреева. Онъ—питомецъ нашей школы, убивающей всякое стремленіе къ живому знанію, и неудивительно, что онъ описываетъ жизнь, которой не видѣлъ, а которую онъ выдумалъ самъ. Понятно, что онъ еще меньше способенъ отвѣтить на вопросы читателя, чѣмъ Горькій, потому что жизнь быстро усложняется. Онъ ставитъ колоссальные вопросы, а отвѣчаетъ на нихъ по-дѣтски. Не вина Андреева, что онъ не могъ оказаться Стриндбергомъ, вмѣшавшимъ въ своей головѣ нѣсколько университетовъ.

Андреева смѣнилъ Федоръ Сологубъ. „Мелкій бѣсъ“ съ такой силой рисуетъ пошлость, мертвечину и гниль нашей провинціальной обывательской жизни, что ударить даже въ самый заскорузлый носъ. А когда Сологуба спросили, что же дѣлать, онъ предложилъ плюнуть на все и творить мифы, но, не встрѣтивъ сочувствія, могъ указать только одинъ исходъ—смерть.

Сологубъ—выразитель общественной усталости, а отношеніе къ нему читающей публики показываетъ, что въ нѣдрахъ русскаго общества, несмотря ни на что, слова назрѣваетъ сознаніе, что довольно намъ сидѣть сиднемъ. Мы хотимъ творить не мифы, а жизнь. Мы слишкомъ долго ныли, мы стосковались по людямъ сильнымъ, по героямъ. Дайте намъ ихъ! Пусть это будетъ Пинкертонъ или Маня Ельцова изъ „Ключей счастья“, лишь бы они были героями.

Эту жажду героя подмѣтили Ан. Каменскій и Арцыбашевъ. Въ подлинной жизни они не нашли героя, рѣшили его выдумать, и въ результатѣ поднесли публикѣ Санина. Виноваты-ли въ этомъ они—плоть отъ плоти нашей? Но и Санинъ не могъ удовлетворить

насъ, и снова стоимъ мы безъ героя, растерянные, въ томительномъ ожиданіи.

Если бы могли мы знать, какія страшныя муки переживаютъ и Горькій, и Андреевъ и другіе писатели отъ сознанія невозможности отвѣтить на запросы дѣйствительности. И не злорадствовать надо надъ ними, какъ дѣлаютъ нѣкоторые критики, потому что ихъ безсиліе—наше безсиліе. Въ жизни не стало героизма и героев,—гдѣ же взять ихъ писателямъ? Ихъ неподготовленность къ рѣшенію громадныхъ задачъ, выдвигаемыхъ текущей дѣйствительностью, является отраженіемъ общей нашей некультурности. Упадокъ современной русской литературы—это есть общій нашъ упадокъ, показатель нашего общаго духовнаго оскуднѣнія.

Выходъ одинъ: надо напрячь всѣ свои силы къ общему подъему культуры, по всему лицу родной земли. Мы еще не проморгались духовно. Напротивъ, стали лучше, а не хуже прежняго, стали разумнѣе, просвѣщеннѣе, и если приходимъ въ ужасъ отъ устройства нашей жизни, то только потому, что предъявляемъ теперь къ жизни большія требованія, чѣмъ прежде. По всему лицу нашей жизни прошла судорога пробужденія, появилась масса новыхъ запросовъ, а средства для ихъ удовлетворенія остались прежнія. Все у насъ оказалось на мели—школа, общественное устройство, деревня, промышленность и т. д. Не слезами можно помочь этому, а культурными усиліями всѣхъ и каждого. Будемъ строить жизнь! Когда поднимется культурный уровень, все сдвинется съ мели и выйдетъ на просторъ. Къ застрявшему судну жизни зачалимъ канатъ, подведемъ сильный буксиръ. Лопнетъ одинъ канатъ, зачалимъ другой, третій. Наша бѣда только въ бездѣятельности, въ отсутствіи энергіи и настойчивости. Если порвется третій канатъ, возьмемъ за четвертый, за сороковой, лишь бы тревожить судно, чтобы его не засосало,—и сдвинемся же мы когда-нибудь съ мели!

—И я,—обратился Г. С. Петровъ къ слушателямъ,—не имѣлъ въ виду сказать какія-либо новыя слова, сообщить новыя откровенія, а лишь желалъ потревожить общественную мысль и чувство, чтобы они ошочательно не заснули.

Цѣль почтеннаго лектора достигнута,—можемъ мы прибавить отъ себя въ заключеніе отчета: въ послѣдніе годы ни одинъ изъ прѣзжавшихъ въ Н.-Новгородъ лекторовъ не привлекалъ къ себѣ такого жаднаго вниманія и не пробуждалъ съ такой силой мысли въ своихъ слушателяхъ.